

14. НАРК. Ф. 372. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-8.
15. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения) // Историография Коми. – Сыктывкар, 1999. – С. 48–57.
16. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Репрессии белых и красных на Печоре в годы Гражданской войны // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. – Сыктывкар, 2011. – Ч. 1. – С. 89–95.
17. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. К вопросу о революции и гражданской войне на территории современного Ненецкого автономного округа // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар–Вологда, 2012. – Вып. 12. – С. 265–272.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ЛЕТА–ОСЕНИ 1921 Г.

Мезга Н.Н. (г. Гомель, Беларусь)

Подписание временного торгового соглашения между РСФСР и Германией 6 мая 1921 г. не означало коренного поворота в сторону улучшения советско-германских отношений. Как обоснованно отметил А. А. Ахтамзян, вплоть до конца 1921 г. с германской стороны не было проявлено серьезного намерения нормализовать политические отношения» [1, с. 25]. Отношение к самому этому соглашению в правящих кругах Германии было неоднозначным. 25 марта 1921 г. министр внутренних дел Германии обратился в правительство с письмом, в котором высказал опасения, что заключение торгового соглашения с Советской Россией создаст возможность большевистскому правительству вести в Германии широкую пропагандистскую работу [2, с. 304–306]. Даже предложение советского руководства организовать выставку русского изобразительного искусства в Берлине встретило отказ со стороны германского министерства иностранных дел [3, с. 39–40].

Для подозрений относительно подрывной деятельности Советской России на территории Германии у немецкой стороны имелись основания. 23 января 1921 г. малое бюро ИККИ постановило «послать несколько товарищей для работы в Германии». На этом же заседании было принято решение ходатайствовать перед НКВД и НКВТ о том, чтобы в число дипломатических курьеров был включен «товарищ, назначаемый Коминтерном, и исполняющий поручения Коминтерна» [4, с. 229, 233]. 4 мая были приняты Тезисы Политбюро ЦК РКП(б) о взаимоотношениях между органами Народного комиссариата иностранных дел и Коминтерна. Они санкционировали использование дипломатической почты для переправы в другие государства денег и пропагандистских материалов [4, с. 264–266].

При этом советское руководство проявляло высокую степень заинтересованности в развитии экономических связей с Германией. В. И. Ленин следующим образом оценивал значение торговли с капиталистическими странами для Советской России: «Громаднейший фактор, позволяющий нам существовать при этом сложном и совершенно исключительном положении, это тот фактор, что социалистическая страна вступает в торговые сношения со странами капиталистическими» [5, с. 24]. Но, как уже отмечалось выше, позиция германской стороны относительно налаживания торговых связей с РСФСР была иной. Следует согласиться с мнением Г. М. Трухнова, что лишь решение Лондонской репарационной комиссии и подписание советско-английского торгового соглашения подтолкнули Германию к соглашению с Советской Россией [6, с. 26].

На этом не очень благоприятном фоне летом 1921 г. направлением, где советско-германские отношения развивались более активно, стало военное сотрудничество. 8 июня Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало вопрос о «переговорах с приехавшими немцами». Было принято решение предложить председателю РВС Республики Л. Троцкому «переговорить» с ними, проявляя при этом «особую осторожность». Также Политбюро 10 июня посчитало целесообразным поездку в Германию В. Коппа по «особому делу» [7]. Имелись ввиду переговоры с находившейся в Москве германской военной делегацией и их продолжение В. Коппом в Берлине, куда планировалось его назначение в качестве полномочного представителя Советской России. А. А. Ахтамзян в своих исследованиях пришел к обоснованному выводу, что на первых встречах военных представителей Германии и Советской России речь шла об установлении сотрудничества в случае конфликта одной из этих стран с Польшей [8, с. 5].

25 июня Политбюро было принято решение назначить В. Коппа временным полномочным политическим представителем РСФСР в Берлине [9]. Однако деятельность В. Коппа вышла за дипломатические рамки. Негативную реакцию германского правительства вызвало вмешательство советского представительства во внутренние дела страны. В этой связи 2 июля Г. Чичерин направил письмо В. Коппу в Берлин, в котором подтверждал прежние инструкции воздерживаться от какого бы то ни было «соприкосновения с немецкой внутренней политикой» [3, с. 201–202].

Однако через две недели после решения о назначении В. Коппа позиция советского руководства относительно кандидатуры полпреда в Берлин была уже совершенно другой. Видимо это было связано с тем, что в Берлине в это время работала комиссия, которая занималась расследованием деятельности представительства Центросоюза. В. Копп попал под подозрение в связи с возможными злоупотреблениями. На заседании Политбюро 16 июля 1921 г. было решено поручить Г. Чичерину повторно «предложить немецкому правительству в

самой любезной и ласковой форме» кандидатуру А. Иоффе. В случае отрицательного ответа германского правительства полпредом в Берлине назначить Н. Крестинского [10]. Неуверенность Политбюро в согласии германского правительства принять А. Иоффе в качестве советского полпреда была связана с тем, что, будучи представителем Советской России в Германии в 1918 г., он вел активную деятельность по подталкиванию революции. Кроме проблемы с назначением представителя РСФСР в Германии советско-германские отношения были омрачены с конца июля 1921 г. и в связи с вторжением германских судов в советские территориальные воды в районе Мурманска и инцидентом с советским судном «Трансбалт» [3, с. 286]. Как и предполагалось Политбюро, полпредом в Берлин пришлось назначать не А. Иоффе, а Н. Крестинского. В результате процесс затянулся, и только 15 ноября Н. Крестинский вручил верительные грамоты канцлеру Й. Вирту. Длительное отсутствие официально назначенного советского полпреда также тормозило развитие советско-германских отношений.

Несмотря на отказ от назначения В. Коппа полпредом в Берлине, для советского правительства было важно, чтобы он все же оказался в Германии для ведения «специальной работы». 25 августа Политбюро приняло решение о его назначении главноуполномоченным Красного креста в Берлине [11]. 4 сентября Политбюро снова вернулось к вопросу о выезде В. Коппа в Берлин и поручило Г. Чичерину выдать ему точные предписания относительно того, что он является «только представителем Красного Креста без права вмешательства в другие дела» [12]. Можно предположить, что внутри советского руководства не было устоявшейся позиции, относительно того, чем В. Копп должен заниматься в Берлине. Дальнейший ход событий позволяет сделать вывод, что перед ним была поставлена задача по ведению с немцами переговоров о военном сотрудничестве. В рамках возложенной на него «специальной миссии» В. Копп 24 сентября сообщил немцам цифры первого советского заказа на производство вооружений в Германии [13, с. 7].

У германского правительства вызывала постоянную озабоченность возможность пропагандистской деятельности советских представителей, а также их усилия по поддержке коммунистической партии Германии. Так, в связи с предполагавшимся открытием прямого пароходного сообщения между РСФСР и Германией министр внутренних дел обратился с письмом в МИД, в котором выражал беспокойство, что прямое пароходное сообщение позволит советскому правительству значительно активизировать пропаганду и усилия для «дальнейшего расширения и внутреннего укрепления коммунистических ячеек, действующих в Германии» [2, с. 341–343]. 12 августа последовало новое письмо министра внутренних дел Германии в МИД. В нем ставился вопрос о мерах, чтобы «воспрепятствовать въезду русских агитаторов» в Германию под видом торговых агентов. При этом министр указывает на решения III Конгресса Коминтерна, которые подтверждали стремление советского руководства осуществить мировую революцию. Беспокойство министра вызывало то, что в советско-германском соглашении от 6 мая отсутствовали положения, которые ограничивали бы численность персонала в советском торговом представительстве в Берлине. Министр также высказался против открытия советского консульства в Штетине, так как это «означало бы открыть доступ большевистской пропаганде в Германию» [2, 359–360]. Именно проблема противодействия большевистской пропаганде была в основе инцидента с судном «Трансбалт».

Одним из ключевых моментов, которым руководствовалось советское правительство, выстраивая свою политику в отношении Германии, было стремление не допустить создание единого фронта капиталистических стран против РСФСР. В письме на имя В. И. Ленина Г. В. Чичерин писал 14 июля, что важнейший вопрос для Советской России – «объединятся ли капиталисты всех крупных стран в один монополярный блок для эксплуатации России». Не допустить такого развития событий можно было, по его мнению, препятствуя «блокированию немцев с англичанами и французами» [2, с. 347]. Следует огласиться с А. А. Ахтамзяном, что в конце 1921 г. произошел поворот в политике германского правительства в сторону налаживания экономического сотрудничества с Советской Россией [1, с. 31]. В ноябре 1921 г. начались советско-германские переговоры, которые, правда, шли очень медленно.

Таким образом, летом – осенью 1921 г. советско-германские отношения развивались противоречиво. С одной стороны, два государства подписали торговое соглашение, было положено начало переговорам о военном сотрудничестве. В то же время в советско-германских отношениях оставалось достаточно большое число проблем. Важнейшей из них представляется недоверие правящих кругов Германии к Советской России в связи с ее политикой, нацеленной на экспорт революции. Кроме того правительство Вирта не теряло надежду договориться с Антантой. Данные факторы, а также затягивание решения вопроса о назначении советского официального представителя в Берлине, привели к тому, что межгосударственные переговоры, имевшие целью урегулирование советско-германских отношений в целом, начались лишь в середине ноября 1921 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика: советско-германские отношения в 1922–1932 гг. / А. А. Ахтамзян. – М. : Международные отношения, 1974. – 304 с.
2. Советско-германские отношения от переговоров Брест-Литовские до подписания Рапалльского договора : сб. докум. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 2. – 596 с.
3. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Государственное политическое издание, 1960. – Т. 4. – 838 с.
4. Коминтерн идея мировой революции. Документы. – М. : Наука, 1998. – 949 с.
5. Ленин, В. И. Московская губернская конференция РКП(б). Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Речь 21 ноября 1920 г. // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин : в 55 т. – М. : Издат. полит. литерат., 1981. – Т. 42. – С. 17–38.
6. Трухнов, Г. М. Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.) / Г. М. Трухнов. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 72 с.

7. Протокол Политбюро (ПБ) № 38 от 8 и 10 июня 1921 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=13406>. – Дата доступа: 02.08.2018.
8. Ахтамзян, А. А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. / А. А. Ахтамзян // Новая и новейшая история. – 1990 – № 5. – С. 4–13.
9. Протокол ПБ № 42 от 25 июня 1921 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=58720>. – Дата доступа: 04.08.2018.
10. Протокол ПБ № 52 от 16 июля 1921 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=58821;tab=img0056>. – Дата доступа: 09.10.2018.
11. Протокол ПБ № 55 от 25 августа 1921 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=58907>. – Дата доступа: 14.01.2018.
12. Протокол ПБ № 56а от 4 сентября 1921 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=58929;tab=img0082>. – Дата доступа: 15.11.2018.
13. Горлов, С. А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы / С. А. Горлов // Военно-исторический журнал. – 1991 – № 9 – С. 4–13.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГГ.

Филимонов А.В. (г. Псков, Россия)

Победа в 1917 г. в России первой в мире пролетарской революции оказала решающее воздействие на обстановку в мире. Свержение власти буржуазии, установление диктатуры пролетариата в интересах строительства нового общества, выход из мировой войны – все эти явления стали очень притягательными для трудящихся зарубежных стран, а рабочее движение в Европе переживало небывалый подъем. Пролетарские революционеры, исходившие из убеждения о начале новой эпохи – перехода от капитализма к социализму, увидели в этом исторический шанс для победы над буржуазией, свершения мировой революции. На это же надеялись и трудящиеся Советской России, полагая, что пролетариат мира последует их примеру, и в скором времени флаг революции взвоет если не во всех, то во многих капиталистических странах. При этом о зрелости объективных и субъективных предпосылок для социалистической революции, готовности стран к социалистическим преобразованиям чаще всего не задумывались: для участников событий первых после 1917 г. лет ситуация не была прозрачной и легко предсказуемой, а главные надежды возлагались на переживаемый Европой революционный подъем.

В этой обстановке крепла интернациональная солидарность населения Советской России с пролетариатом зарубежных стран, которая выражалась в организации массовых кампаний протеста против террора и судебных преследований заключенных в капиталистических странах, наступления буржуазии на жизненные права трудящихся, оказании материальной помощи и поддержки борцам революции и их семьям, моральной поддержки революционного движения за рубежом. Подобного рода мероприятия проводились регулярно, привлекая к участию в них широкие слои населения разных мест РСФСР, в том числе Псковской губернии.

Так, уже 10 июля 1921 г. профсоюзы Пскова организовали городской митинг солидарности на Советской площади и манифестацию по улицам города. Мощными звуками боевых революционных песен, лозунгами с начертанными на них словами «Рабочие Запада, мы с вами!», жители города выражали свою готовность прийти им на помощь [2, 1921. 12 июня].

С 1923 г. наряду с морально-политической поддержкой международного пролетариата они смогли оказывать ему и посильную материальную помощь. Преодоление тяжелых последствий голода 1921 г., начало восстановления народного хозяйства создавали для расширения такой помощи реальную возможность. В решении этой задачи решающую роль играла Международная организация помощи борцам революции (МОПР), созданная по инициативе старых русских большевиков в конце 1922 г. День Парижской Коммуны – 18 марта – был объявлен днем МОПРа.

В конце 1922 г. МОПР обратилась со специальным воззванием к рабочим и крестьянам страны, ко всем трудящимся, предлагая организовать сбор средств в фонд помощи борцам революции в капиталистических странах. Трудящиеся Псковской губернии откликнулись на этот призыв созданием на предприятиях и в учреждениях ячеек МОПРа, большинство из которых было организовано в 1924 г. (в конце года в губернии прошла «Неделя МОПРа»). Ряды губернской организации быстро росли: в ноябре 1924 г. она насчитывала около 20 тыс. членов, а через год – уже 32 тыс.; число ячеек увеличилось с 270 в начале 1925 г. до 550 в июле того же года [2, 1924. 23 ноября; 1925, 28 февраля, 18 ноября; 3, 1925. 24 июля]. Хотя промышленность в губернии была развита чрезвычайно слабо, а рабочий класс был немногочисленным, в авангарде участников МОПРа шли именно рабочие: 48 рабочих ячеек объединяли в своих рядах свыше 9000 членов. Например, ячейка на псковском кожзаводе «Пролетарий» насчитывала 217 чел., типографии – 120 чел., железнодорожной станции Псков – 740 чел.; коллективно выступили в ряды МОПРа рабочие завода «Лесник», подавляющая масса работников фабрики «Шпагат» и т.д. [2, 1924. 25 апреля; 1925. 28 февраля, 17 ноября, 10 декабря]. Об успешной деятельности МОПРа свидетельствует рост ее финансовых поступлений: в конце 1925 г. губернская организация послала в ЦК МОПРа 16310 руб.,